

Яхутль Юрий Асланбиевич**Yakhtul Yuriy Aslanbievich**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета

PhD in History, Associate Professor,
Russian History Department,
Kuban State University

**ИСТОЧНИКОВАЯ ОСНОВА
ИССЛЕДОВАНИЙ НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
1920-Х ГГ. НА ДОНУ И КУБАНИ:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
МЕТОДОВ АНАЛИЗА****THE SOURCE BASE
FOR STUDYING THE NEW ECONOMIC
POLICY OF THE 1920S
IN DON AND KUBAN REGIONS:
REVISION OF THE METHODS OF
ANALYSIS****Аннотация:**

В статье аргументированы причины и направления переосмысления методологий анализа источников по истории новой экономической политики 1920-х гг. За последние годы опубликовано большое количество работ по истории, авторы которых ставили целью качественно по-новому оценить новую экономическую политику 1920-х гг. и ее значение, переосмыслить имеющиеся архивные материалы. Вместе с тем обозначено, что отказ от монопольного господства марксистской методологии породил в исторических исследованиях субъективизм оценок, вызванный увлечением современными теориями в гуманитарных науках. Определена видовая классификация источников по истории новой экономической политики 1920-х гг., установлены впервые введенные в научный оборот документы, дана характеристика сферы их применения в исследованиях. Выявлены особенности источниковой основы анализа темы на материалах Дона и Кубани.

Ключевые слова:

источниковедение, новая экономическая политика 1920-х гг., Дон, Кубань, методы анализа, переосмысление.

Summary:

The paper explains the reasons and directions for rethinking the methods of historical source analysis of the New Economic Policy in the 1920s. In recent years, the large number of historical works has been published. Their authors tried to re-evaluate the significance of the 1920s New Economic Policy, reconsider the available records and archives. Nevertheless, the study notes that the renunciation of the exclusive domination of the Marxist methodology led to the subjective assessment caused by the interest of the humanities in the modern theories. The research identifies the historical sources classification of the 1920s New Economic Policy. The first introduced documents are defined, and the scope of their research application is described. The study reveals the features of the source base analysis of the subject matter in Don and Kuban regions.

Keywords:

source study, New Economic Policy of the 1920s, Don, Kuban, methods of analysis, revision.

Кардинальные изменения в отечественной исторической науке трансформировали концепции истории новой экономической политики 1920-х гг. Во многом новые представления о нэпе, в частности об экономических реформах и их альтернативности, основаны на колоссальном расширении источниковой базы исследований. Но количественный прирост информации не всегда ведет к соразмерному теоретическому осмыслению фактов и процессов прошлого. Создание новых концепций происходит в основном в русле социально-конструктивистской трактовки исторических событий [1]. Одновременно в условиях моды на постмодернизм теряют былую популярность марксистские [2] и позитивистские [3] когнитивные и эпистемологические модели в исторической науке. Постсоветская четверть века отечественной истории оказала противоречивое влияние на развитие источниковедения, в том числе исследований документов о новой экономической политике – нэпе, которые характеризуются методологическим плюрализмом и ростом неопределенности оценок событий прошлого.

Период 1920-х гг. стал объектом злободневной дискуссии о степени эффективности новой экономической политики, возможности ее применения для индустриальной модернизации СССР, принудительном переходе к плановому ведению хозяйства и коллективизации крестьянства. Возросший интерес к опыту новой экономической политики вызван не только экономическими реформами в постсоветской России, но и успешными результатами сходных реформ в Китае, Вьетнаме и других странах. Обращение к опыту многоукладной экономики 1920-х гг. может иметь большое практическое значение для современного экономического развития России.

Особенности нэпа проявились именно в тех областях России, где в предшествующий период истории сложились своеобразные социальные и экономические отношения. Юг России отличался сословными особенностями казачества, иногороднего крестьянства и горских народов, а также формами землепользования, что определило территориальную специфику нэпа.

За последние годы опубликовано большое количество работ историков, которые ставили целью качественно по-новому оценить новую экономическую политику 1920-х гг. и ее значение [4]. Признавая важную роль советского периода историографии в исследовании новой экономической политики, современные историки осознают значительную идеологическую зависимость своих предшественников, и, следовательно, возникают проблемы переосмысления, «нового прочтения» архивных материалов. Обратим внимание на статью Л.Н. Бехтерева. В данной работе отмечается, что история нэпа во всем ее многообразии стала предметом нарастающего интереса в годы перестройки и постсоветских либеральных реформ. Современный период историографии нэпа характеризуется более объективным его освещением. Идет накопление конкретно-исторического материала, новых знаний. Исследовательское пространство освобождается от старых догм и стереотипов [5, с. 57]. Л.Н. Бехтерева раскрывает, как изменялись исторические взгляды на нэп в зависимости от политической конъюнктуры. Вместе с тем активизация исторических исследований по тематике нэпа еще не нашла развернутого научно-методологического обоснования.

Отказ от монопольного господства марксистской методологии породил в исторических исследованиях другую присорбную крайность – субъективизм оценок, вызванный увлечением современными теориями в гуманитарных науках (историей повседневности, социальной историей, макроисторией, психоисторией и др.) [6]. Исторические работы, основанные на фрагментарном и произвольно-пристрастном использовании источников без учета их происхождения и цели создания, вне исторического контекста, вызвали большое количество искажений в оценках исторической реальности.

Можно выделить систему видов источников, характеризующих экономическую динамику 1920-х гг. в регионе: документы хозяйственных и партийных органов управления Кубани и Дона, статистические сборники и отчеты; периодические издания: сборники статей, политико-публицистические журналы и брошюры; информационные сводки и обзоры ОГПУ; обращения и жалобы граждан в органы власти и печати, частная переписка, воспоминания участников событий. Уникальность этих документов в том, что они написаны современниками, очевидцами и участниками событий и в меньшей степени, чем в 1930-х – начале 1950-х гг., подвержены идеологической цензуре.

В научный оборот введен значительный массив архивных документов. Впервые опубликованы воспоминания участников экономических реформ 1920-х гг., материалы партийных форумов – заседаний Политбюро, Секретариата и пленумов ЦК – ЦКК ВКП(б), экспертные мнения экономистов русского зарубежья.

В настоящее время уже исследован репрезентативный массив исторических источников, в котором отражены события 1920-х гг. в таких ключевых регионах Юга России, как Дон и Кубань. Большая часть исследований основана на архивных источниках, размещенных в государственных архивах Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея. Наибольшей значимостью в них обладают документы следующих фондов: в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) – Ф. Р-1019 «Кубано-Черноморский совет народного хозяйства», Ф. Р-1185 «Северо-Кавказская рабоче-крестьянская инспекция»; в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО): Ф. 1 «Юго-Восточное краевое бюро ЦК РКП(б)», Ф. 5 «Донской окружной комитет РКП(б)», Ф. 7 «Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б)»; в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) – Ф. Р-102 «Кубано-Черноморский областной отдел управления», Ф. Р-143 «Кубано-Черноморский областной совнархоз», Ф. Р-157 «Кубано-Черноморское областное экономическое совещание», Ф. Р-226 «Кубанская окружная рабочая крестьянская инспекция», Ф. Р-237 «Кубанский окружной промышленный отдел», Ф. Р-248 «Кубанское окружное мельнично-маслобойное государственное объединение», Ф. Р-890 «Кубанский окружной отдел народного образования», Ф. Р-990 «Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция»; в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК) – Ф. 1 «Кубано-Черноморский обком РКП(б)», Ф. 7 «Кубано-Черноморская областная контрольная комиссия», Ф. 8 «Кубанский окружной комитет ВКП(б)», Ф. 9 «Черноморский окружной комитет ВКП(б)», Ф. 11 «Армавирский отдельный комитет ВКП(б)», Ф. 12 «Армавирский окружной комитет ВКП(б)», Ф. 2816 «Майкопский окружной комитет ВКП(б)»; в Национальном архиве Республики Адыгея (НАРА) – Р-5 «Адыгейская областная плановая комиссия» и Р-8 «Адыгейский областной административный отдел».

Открытость большей части архивных фондов применительно к 1920-х гг. позволяет использовать их для объективной оценки экономических процессов как в области сельского хозяйства, так и в местной промышленности, торговле, социальной сфере. Определенную закрытость сохраняют фонды, относящиеся к протестному движению казачества Юга России в 20-е гг. XX столетия. Та часть, которая находится в открытом доступе и рассекречена в 1990-е гг., приоткрывает содержание, движущие силы и идеологические устремления «бело-зеленого» антибольшевистского движения в казачьих регионах Кубани и Дона (1920–1924 гг.). Повстанческое движение на Юге России было одним из самых организованных и продолжительных как на завершающем

этапе Гражданской войны, так и в начальный период новой экономической политики, когда казачество выступало единым фронтом на выборах в местные советы, а также в сопротивлении сбору продналога [7]. Эти факты излагаются в документах подробно, с перечислением статистических данных и принятых властью мер по противодействию «антисоветским элементам», с осуждением уступчивости местных представителей партийных, советских и хозяйственных органов земледельцам.

Региональный компонент в истории новой экономической политики во многом предопределил ее исход. Крестьянская Россия со своей патриархальностью и многоукладностью, противостоянием народа и власти вошла в нарастающее противоречие с начавшейся модернизацией общества. Вовлечение в научный оборот большого количества местных документов, подчеркивание исследователями особенностей каждой изучаемой территории породили перекося в пользу регионального своеобразия новой экономической политики [8]. Это негативно сказывается на оценке развития и результатов экономического развития 1920-х гг., тем более что цитируемые источники часто содержат несопоставимую информацию даже на уровне одного региона: они составлялись на местах по различным статистическим программам (источникам).

Период становления новой политической системы Российской Федерации в 1990-х гг. ознаменовался вовлечением достаточно большого объема архивных документов, которые не были доступны по политическим мотивам в предшествующий период. Это касалось в первую очередь партийно-хозяйственных документов. К числу новейших источников, позволяющих обратиться к поиску ответа на старый вопрос о наличии альтернативных вариантов нэпа внутри самого нэповского курса большевиков, можно отнести публикации стенограмм пленумов ЦК ВКП(б) 1927–1929 гг. [9].

Именно в эти годы, по прочно укоренившемуся в историографии мнению, в противоборстве преобладавшей сталинской группировки и ее оппонентов – сторонников так называемого «правого уклона», и был сделан окончательный выбор руководства СССР в пользу отказа от нэпа и перехода к форсированной индустриализации. По аргументированному мнению одного из редакторов издания В.П. Данилова, дискуссии, имевшие место на этих пленумах, «представляют собой один из немногих источников, позволяющих реконструировать позицию различных лидеров партии и ход борьбы в высших эшелонах власти» [10, т. 1, с. 12]. Особенностью этих пленумов, позволяющей рассматривать их документы как целостный комплекс источников, является то, что центральное место на них занял один и тот же вопрос о проведении хлебозаготовительных кампаний.

Ход хлебозаготовительной кампании осени 1927-го – весны 1928 г. сопровождался нарастающим противостоянием государственного аппарата и казачье-крестьянского населения. Эта кампания стала переломным моментом в выборе вектора развития, определив сворачивание новой экономической политики. В документах местных партийных и хозяйственных органов того времени еще не фиксируется признание полного отказа от нэпа. Но заметна растерянность, видны противоречивые оценки проводимых репрессий («чрезвычайных мер»), не соответствовавших основам всей политики 1920-х гг. [11]. Именно размежевание в большевистской партийной номенклатуре по вопросам хлебозаготовительной кампании конца 1920-х гг. окончательно решило судьбу нэпа, приведя к его отмене по мере развертывания сплошной ускоренной коллективизации в 1929 г.

Анализ стенограмм пленумов, которые отражают контрастные мнения членов всесоюзного и регионального партийного руководства [12], дает возможность установить факт наличия альтернативы нэпу в политике большевистской партии или же ее отсутствие, что во многом было предопределено внутрипартийной борьбой и ее последствиями. Использование данных источников обязывает исследователей соблюдать принципы объективности и историзма, учитывая быстро изменявшийся идеологический контекст дискуссий о направленности и перспективах экономической политики.

При анализе архивных материалов органов управления местной экономикой выявлены существенные разночтения в оценке одних и тех же событий [13]. Это послужило основанием для выявления документов из различных фондов и последующего сравнения их содержания. Статистические данные искажали факты, подстроенные под контрольные цифры правительства СССР как по единому сельскохозяйственному налогу, так и по таким политическим событиям, как выборы в местные советы. Отчеты Кубано-Черноморского совета народного хозяйства, составляемые в период операционного года, не совпадали с годовыми итоговыми отчетами. Наиболее достоверными и объективными оказались документы Рабоче-крестьянской инспекции в фондах Государственного архива Краснодарского края. В них содержатся итоговые отчеты по социально-экономическому и политическому состоянию дел в Кубано-Черноморской области и округах, созданных после ее раздела летом 1924 г.

Фонды Государственного архива Ростовской области содержат обобщающие отчеты Кубано-Черноморского совета народного хозяйства и окружных исполкомов, что позволяет сравнить их с аналогичными материалами Государственного архива Краснодарского края и Национального архива Республики Адыгея. Документы фондов Государственного архива Ростовской

области отличаются сравнительно большей достоверностью и точным изложением произошедших событий, качеством информации, поскольку в Ростове-на-Дону располагались органы управления краевого уровня: краевой комитет РКП(б) – ВКП(б), крайисполком Юго-Востока России (1920–1924 гг.), а позже – Северо-Кавказского края (1924–1934 гг.).

Особо следует отметить фонд 1 «Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)» и фонд 8 «Кубанский окружной комитет РКП(б)» Центра документации новейшей истории Краснодарского края, в которых представлены документы о деятельности областного комитета РКП(б), окружных и районных комитетов правившей партии. Уровень достоверности и качества информации позволяют дать сравнительно объективную оценку складывавшимся отношениям между населением области и партийными, советскими, хозяйственными органами. Документы Кубано-Черноморской областной партийной контрольной комиссии (Ф. 7) содержат информацию об организации системы контроля и надзора за деятельностью партийных структур и промышленных предприятий различных форм собственности. Информация, представленная в данном фонде, отличается достоверностью, объективным изложением фактов и их оценки.

Периодическая печать представлена всесоюзной газетой «Известия», газетами краевой партийной организации «Советский Юг» и «Молот» (Ростов-на-Дону), органом Кубано-Черноморского обкома РКП(б) и Кубанского окружкома РКП(б) – ВКП(б) «Красное знамя» (Краснодар) за 1921–1929 гг., газетами окружного уровня: «Трудовой путь» (Армавир), «Новороссийский рабочий», «Красный пахарь» (Майкоп). Они содержат информацию всесоюзного, краевого и областного масштаба, требующую критического и всестороннего анализа. На страницах газет публиковались правительственные и партийные директивы, нормативные акты по вопросам новой экономической политики.

В числе опубликованных сборников архивных документов отметим многотомные издания «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939» под редакцией А. Береловича и В. Данилова [14] и «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)» под редакцией Г.Н. Севостьянова [15]. Они построены по видовому принципу и включают в себя материалы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) за 1928–1929 гг.; информационные сводки и обзоры органов ВЧК – ОГПУ о политическом положении советского общества, различных классов и административно-территориальных единиц СССР; документы о крестьянском и казачьем движении при переходе от военного коммунизма к нэпу.

Развитие экономических взаимодействий между партийно-государственной властью и социальными группами общества прослеживается по публикациям жалоб, писем, иных форм выражения общественного мнения 1920-х гг. [16].

В постсоветский период сформировался плюрализм концепций и методик анализа источников по истории новой экономической политики 1920-х гг. Преобладающий вектор изменений в отечественной историографии проблемы – от марксизма и позитивизма к социально-конструктивистским концепциям. Влияние данного методологического поворота на конкретно-исторические источниковедческие работы противоречиво. Помогая установить психологические, субъективно-обусловленные аспекты исторических фактов и процессов, конструктивистские подходы в силу своего релятивизма затрудняют системную реконструкцию исторических реалий. На наш взгляд, задача объективного и всестороннего анализа фактов и процессов прошлого остается насущной.

Источниковая основа исследования темы качественно обновляется. Долгие годы использовались документы только официального происхождения: законодательные акты, делопроизводственная документация, партийная и государственная статистика, агитационно-пропагандистские материалы, воспоминания партийных и советских руководителей. С конца 1980-х гг. интенсивно исследуются ранее засекреченные стенограммы заседаний Политбюро, Секретариата и пленумов ЦК РКП(б) – ВКП(б), сводки и обзоры ВЧК – ОГПУ, петиции и частная переписка граждан.

Источниковедческое исследование документов о нэпе на Юге России должно учитывать систему взаимосвязей выявленных и подвергнутых критике документов, цели их создания и способы выражения информации. Следует учитывать, что в условиях авторитарного режима 1920-х гг. существовала искаженная модель коммуникаций и, следовательно, потоков информации между органами партийно-государственной власти и населением. Факты, приводимые в текущей партийно-государственной статистике, целесообразно перепроверять по документам налоговых и финансовых ведомств, а также по конъюнктуре рынка. Мотивы центральных и региональных органов власти, а также речевые способы выражения политического курса полезно устанавливать по стенограммам пленумов ЦК РКП(б) – ВКП(б), а также по аналитическим документам ОГПУ.

Назрела необходимость издания сборника документов о реализации новой экономической политики на Юге России, что особенно актуально накануне 100-летнего юбилея перехода от военного коммунизма к нэпу.

Ссылки:

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.
2. Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
3. Плискевич Н.М. Устарела ли история по Ключевскому? Круглый стол // *Общественные науки и современность*. 2012. № 2. С. 92–109.
4. Бокарев Ю.П. Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // *Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты* / отв. ред. А.С. Сенявский. М., 2006. С. 121–133 ; Гимпельсон Е.Г. Соотношение экономики и политики в «нэповских» реформах // *Россия в XX веке: реформы и революции* : в 2 т. / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2002. Т. 2. С. 52–60 ; Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999 ; Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.
5. Бехтерева Л.Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х гг. в современной отечественной историографии // *Вестник Удмуртского университета*. 2010. № 1. С. 57–64.
6. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.
7. Baranov A.V. Land Reforms in Soviet Russia and the Peasant Uprisings of the 1920s in the Context of the Concept of Theodor Shanin (Regional Aspect) // *Old and New Worlds: The Global Challenges of Rural History: International Conference*. Lisbon, ISCTE-IUL, 27–30 January 2016. Conference Book / ed. by J.V. Serrão, D. Freire, L.F. Prieto, R. Santos. Lisboa, 2016. P. 70–71.
8. Орлов И.Б. Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // *Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты*. С. 33–54.
9. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. : в 5 т. / под ред. А.В. Кашкина. М., 2000.
10. Там же. Т. 1. С. 12.
11. Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. № 4 (29). С. 11–16.
12. Как ломали нэп ...
13. Яхутль Ю.А. Экономические трансформации в период новой экономической политики (по материалам Кубано-Черноморья) : монография. Краснодар, 2014.
14. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : документы и материалы : в 8 т., 12 кн. / под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2000–2008.
16. Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997 ; Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 / сост., авт. коммент. В.С. Сидоров. Ростов н/Д., 1994 ; Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х гг. в письмах и документах / сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. М., 2001 ; Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост., ред. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002 ; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы : в 5 т. М., 1999–2000.